

DOI: 10.14451/2.181.47 347.9

Прецедентная природа решений Верховного Суда РФ

© 2023 **Фадеев Алексей Владимирович**

старший преподаватель кафедры гражданского и арбитражного процесса. Самарский государственный экономический университет. РФ, Самара.

E-mail: leshafadeev60@mail.ru

Ключевые слова: правотворчество, законодательная инициатива, правосудие, Верховный суд, прецедент.

Вопрос о прецедентной природе решений Верховного Суда РФ на сегодняшний день является открытым. Акты Верховного Суда РФ оказывают колоссальное влияние на механизм правового регулирования и правовую систему в целом, однако однозначно утверждать о том, что указанные акты обладают свойством прецедента и, главное – являются ли они источником российского права, не представляется возможным.

Можно ли признавать Верховный Суд Российской Федерации субъектом правотворчества и законодательной инициативы – этот вопрос являлся предметом дискуссий продолжительное время и остается актуальным на сегодняшний момент [3]. В части определения как субъекта законодательной инициативы в работе Д. А. Кучерявцева разграничение данных видов субъектов осуществляется с помощью определения того, ограничено ли соответствующее рамками компетенции иницилирующего законопроект субъекта, или нет [5]. В случае с Верховным Судом РФ автор приходит к выводу, что его следует относить к субъектам, выступающим носителями специального права законодательной инициативы, поскольку в силу действующей формулировки ст. 104 правотворческая деятельность обозначенного учреждения ограничивается вопросами его ведения. Такая точка зрения поддерживается и другими исследователями [4].

Важно отметить, что российская модель правосудия в части наделения высших судов конституционной функцией права законодательной инициативы не имеет кардинальных отличий от предшествующей ей советской, поскольку и там в содержании законодательных актов было отведено такое полномочие для судебных учреждений. Верховный Суд СССР имел соответствующее полномочие в силу действия норм ст. 1 регламентирующего его статус и деятельность положения.

В дальнейшем аналогичное по содержанию право нашло легальное установление в отношении Верховного Суда СССР в силу положений ст. 113 Конституции СССР 1977 г.

Появление в судебной системе таких учреждений, как Высший Арбитражный Суд СССР и в последующем Высший Арбитражный Суд РФ также сопровождалось наделением их правом законодательной инициативы и включе-

нием в круг соответствующих субъектов правового регулирования. Обладал таким правом в силу ст. 104 Конституции и Высший Арбитражный Суд РФ, в ходе реформы в 2014 году объединенный с Верховным Судом РФ [8; 9].

Однако на всех стадиях функционирования высших судов как субъектов права законодательной инициативы законом не было определено, что следует понимать под категорией ведения указанных учреждений, в рамках которого они и ограничены при реализации конституционной функции законодательной инициативы. Нет ясности в данном вопросе и по сей день, что формирует существенные противоречия в оценках исследователей о толковании обозначенной категории [1].

Само по себе исследуемое право, как определяется в литературе, по своему содержанию представляет собой обеспечиваемую государством и законом возможность представлять в законодательный орган для рассмотрения проекты нормативных актов, которые этот орган обязан рассмотреть. Как уже стало очевидно, таким правом по ряду рациональных причин не могут быть наделены все субъекты общественных отношений, в связи с чем в законе прямо указываются субъекты, наделенные таким правом.

Содержание процедуры, сопутствующей реализации данного права, обуславливается такими свойствами как обязательный характер и наличие формальной определенности. Также в литературе выражается предложение о том, чтобы рассматривать деятельность уполномоченных законодательных органов в качестве процессуальной в силу того, что она отвечает наиболее общим признакам именно этой природе.

Специфика судебной деятельности предполагает контроль воплощения законодательства в их применении, выявление пробелов и недостатков, а также формулирование путей совершенствования правового регулирования, что вполне отвечает наделение высших судов конституционной функцией законодательной инициативы.

Однако такого рода наделение правомочиями

в отношении судебных органов вызывает существенные расхождения в оценках исследователей. Наиболее фундаментальной предпосылкой таких расхождений служит существующая модель разделения властей, сущность которой предполагает недопустимость вмешательства одной ветви власти в деятельность другой. В этом аспекте, как отмечают авторы, не удастся однозначно установить, насколько обоснованным будет сделать вывод о наличии противоречия принципу разделения властей. Ещё одним фактором возникновения дискуссии по исследуемому вопросу служит расхождение в вопросе оценки актов, посредством которых Верховный Суд РФ обобщает судебную практику и дает соответствующие разъяснения нижестоящим судам о порядке применения проанализированных норм.

Формулировка же ст. 104 Конституции, действующая и по сей день, наделяет высшие суды правом инициативы в контексте предмета, находящегося в их ведении, однако не определяет круг вопросов, включаемых в этот предмет. В результате этого рамки и ограничения для законодательной инициативы высших судов оказываются размытыми, что создает возможность для злоупотребления соответствующим правом и заявления инициативы, выходящей за действительный предмет ведения указанных судебных учреждений.

Безусловно, судебная практика способна выявлять пробелы в действующем законодательстве и восполнять их, таким инструментом и является право законодательной инициативы высших судебных органов. Однако это касается только деятельности Верховного Суда РФ. Относительно Конституционного Суда РФ высказывается мнение, что право законодательной инициативы КС РФ находится в противоречии с его задачами как специфического органа государственной власти и его другими полномочиями [6]. Наделение же Конституционного Суда РФ общим правом законодательной инициативы может привести к ситуации, когда ему придется решать вопрос о конституционности закона, инициированного

им самим.

В литературе совершенно справедливо отмечается, что определение объекта права судебной законодательной инициативы (вопросы ведения судебных органов) является предельно абстрактным и неоднозначным. Отсюда возникает и проблема конкретизации объекта права судебной законодательной инициативы. Без ее решения невозможна практическая реализация судебными органами права законодательной инициативы [6].

Конституция РФ в ст. 104 содержит перечень субъектов права законодательной инициативы, в соответствии с которым данное право принадлежит помимо иных субъектов также Конституционному Суду РФ и Верховному Суду РФ. Однако в отличие от иных субъектов права законодательной инициативы высшим судебным органам Российской Федерации это право предоставлено только по вопросам их ведения.

Некоторые авторы полагают, что объект права судебной законодательной инициативы по своему содержанию имеет определенные пределы, ограничен кругом вопросов ведения судебных органов. Так, по мнению А. А. Климова, «объектом (предметом) права судебной законодательной инициативы являются правоотношения, отнесенные к ведению высших и иных судебных органов, которые выражены в их компетенции, включающей в себя подведомственность и подсудность им дел и задач соответствующих видов судопроизводства. При этом у каждого высшего и иного органа судебной власти имеется свой объект права законодательной инициативы, охватывающий отраслевые вопросы как материального, так и процессуального права, относящиеся к предмету ведения соответствующего суда» [2].

Высшим органам судебной власти, к которым закон относит Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ, предоставлено право законодательной инициативы по вопросам их ведения. Во вторых, судебная власть обладает некоторыми полномочиями в сфере нормотворчества. В-

третьих, она наделена достаточно обширными полномочиями в сфере контрольной деятельности государства [10].

В значительной степени неопределенность по вопросу прецедентной роли актов Верховного Суда РФ обусловлена формулировкой ст. 126 Конституции РФ, определяющей право Верховного Суда РФ на издание разъяснений по вопросам судебной практики. В ранее действовавшем законодательстве в аналогичной формулировке присутствовала категория «руководящие», вследствие чего некоторые авторы настаивают на том, что и в данном случае было бы целесообразно внести такое указание. Однако, вполне очевидно, что подобным термином однозначно установить нормативную силу судебных актов едва ли возможно.

Судебная власть обладает большими ресурсами в сфере права. Судебная практика, которая формируется в результате правосудной деятельности судов, представляет собой «живой» материал, отражая то, как опосредованно нормы права в жизни, то, как происходит реализация право-положений в конкретных правоотношениях с учетом жизненных условий и обстоятельств, то, как «работает» право.

Органы судебной власти проводят большую работу по систематизации судебной практики, по ее обобщению и анализу. На основе сформированного таким образом правоприменительного материала объективно появляется возможность систематизированного совершенствования всего нормативного поля. И кому как не судебной власти принимать в этом активное участие. Только конституционная оговорка в части права законодательной инициативы в отношении судов «по вопросам их ведения» формально ограничивает возможности судебной власти. В этом прослеживается нарушение равенства ветвей власти, поскольку остальные субъекты права законодательной инициативы обладают этим правом без каких-либо ограничений и оговорок, то есть в полном объеме.

Следовательно, представляется верным, что на

сегодняшний день Верховный Суд РФ широко толкует конституционную оговорку о «вопросах ведения» в части собственного права законодательной инициативы.

Судебная власть должна обладать полноценным правом законодательной инициативы наравне с остальными субъектами права законодательной инициативы. Этот тезис должен лечь в теоретико-правовую основу российской государственности.

Иные авторы трактуют понятие «по вопросам их ведения» широко и включают в него не только вопросы регламентации полномочий деятельности Суда и его взаимоотношений с другими органами, но и те случаи, когда высший суд обнаружит пробел в законодательстве, в этом случае, по их мнению, он обязан выступить с законодательной инициативой.

Однако деятельность высших судов, практика отправления правосудия не предполагают устранение пробелов в законе. Это прерогатива Федерального Собрания РФ, так как именно этот орган наделен полномочиями издавать акт по заполнению обнаружившегося пробела.

В то же время проблема учета практики высших судов РФ могла бы быть решена при подготовке законопроекта как обязательного условия его рассмотрения Государственной Думой. Например, практика и статистика Конституционного Суда и Верховного Суда наряду с концепцией и предметом правового регулирования могла бы входить самостоятельным разделом в текст пояснительной записки законопроекта.

В рамках доктрины английского права происходит выделение обязательных и убеждающих прецедентов. Важно отметить, что свойство указанных видов находится в прямой зависимости от положения издающих их судебных органов в иерархии судебной системы.

Обязательные прецеденты выносятся вышестоящими судами, и проявлением «обязательности» в данном случае выступает то, что мотивировка позиции суда, изложенная в таком решении,

имеет обязательный характер для всех нижестоящих судов. Иными словами, все нижестоящие суды обязаны следовать позиции, определенной в таком прецеденте. В какой-то мере подобная конструкция значительно напоминает разъяснения Верховного Суда РФ, поскольку аналогичным образом источником такого прецедента является суд, стоящий выше других по иерархической лестнице, а выраженная им позиция принимается нижестоящими судами как обязательная к применению в толковании действующего законодательства.

Убеждающие прецеденты как вид присущи деятельности нижестоящих в иерархической лестнице судов. В их содержании как таковом отсутствует аргументация и нормативное обоснование по предмету спора. Как уже предполагается из противопоставления второму в данной классификации виду, этот вид прецедента не имеет обязательного свойства. Однако важно отметить, что его применение также может способствовать восполнению пробелов в законодательном регулировании, в связи с чем было бы в корне неверным отрицать его влияние на правовую систему в целом [7].

С определенной долей условности также можно провести аналогию указанного вида с судебными актами нижестоящих судов в российском праве. Да, существуют отличия, связанные с тем, что в рамках российского судопроизводства наличие правового обоснования является обязательным элементом для любого судебного решения, равно как и то, что у российских нижестоящих судов не имеется возможности восполнять пробелы законодательного регулирования, однако в целом, сопоставляя акты этих судов с отдельными актами Верховного Суда РФ и, в особенности, с его разъяснениями, можно обнаружить аналогичное соотношение, когда акты вышестоящего суда имеют обязательную силу для нижестоящих, а вот акты нижестоящих по сути не обладают нормообразующим свойством.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Существуют объективные предпосылки для установления возможности высшими судами реализовывать право законодательной инициативы, однако это не должно противоречить принципу разделения властей, вопрос о соблюдении которого озвучивается исследователями в рамках анализируемой проблематики;
2. Сложившая ситуация в нормативном регулировании породила дискуссию в юридическом сообществе, в результате которой исследователи отстаивают узкий и широкий подходы к рамкам реализации права законодательной инициативы Верховным Судом РФ и Конституционным Судом РФ, указанных в качестве соответствующих субъектов в ст. 104 Конституции.
3. В целом, вопрос о прецедентной природе решений Верховного Суда РФ, так же как и в случае с актами конституционного правосудия, является открытым. Вполне очевидно, что акты Верховного Суда РФ оказывают колоссальное влияние на механизм правового регулирования и правовую систему в целом, однако однозначно утверждать о том, что указанные акты обладают свойством прецедента и, главное – являются ли они источником российского права, не представляется возможным.
4. В значительной степени неопределенность по вопросу прецедентной роли актов Верховного Суда РФ обусловлена формулировкой ст. 126 Конституции РФ, определяющей право Верховного Суда РФ на издание разъяснений по вопросам судебной практики. В ранее действовавшем законодательстве в аналогичной формулировке присутствовала категория «руководящие», вследствие чего некоторые авторы настаивают на том, что и в данном случае было бы целесообразно внести такое указание. Однако, вполне очевидно, что подобным термином однозначно установить нормативную силу судебных актов едва ли возможно.
5. Считаю необходимым в содержании Федерального конституционного закона «О Верховном Суде РФ» конкретизировать значение разъяснения суда по вопросам применения положений закона и установить, являются ли эти разъяснения общеобязательными для всех участников общественных отношений (не только для нижестоящих судов).

Библиографический список

1. Алексеевич К. И. Специальное право законодательной инициативы судов Российской Федерации: вопросы определения правового содержания // Журнал российского права. – 2018. – 12 (264). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsialnoe-pravo-zakonodatelnoy-initsiativy-sudov-rossiyskoy-federatsii-voprosy-opredeleniya-pravovogo-soderzhaniya>.
2. Андреевич К. А. Законодательная инициатива Верховного Суда Российской Федерации как средство устранения пробелов в уголовно-процессуальном праве // Вестник ОмГУ. Серия. Право. – 2019. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatel'naya-initsiativa-verhovnogo-suda-rossiyskoy-federatsii-kak-sredstvo-ustraneniya-probelov-v-ugolovno-protsessualnom-prave>.
3. Асланбекович А. З. Конституционный Суд Российской Федерации как субъект права законодательной инициативы // Журнал российского права. – 2011. – 8 (176). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnyy-sud-rossiyskoy-federatsii-kak-subekt-prava-zakonodatelnoy-initsiativy>.
4. Валерьевич З. Д. Право законодательной инициативы в системе полномочий Конституционного суда Российской Федерации // Oeconomia et Jus. – 2021. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-zakonodatelnoy-initsiativy-v-sisteme-polnomochiy-konstitutsionnogo-suda-rossiyskoy-federatsii>.
5. Денис К. Александрович Совершенствование Конституционного регулирования осуществления права законодательной инициативы в Российской Федерации // Вестник БГУ. – 2014. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-konstitutsionnogo-regulirovaniya-osuschestvleniya-prava-zakonodatelnoy-initsiativy-v-rossiyskoy-federatsii>.
6. Лазарев Валерий Васильевич Ш. Т. Э. Право законодательной инициативы высших судов и проблемы его реализации // Журнал российского права. – 2017. – 3 (243). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-zakonodatelnoy-initsiativy-vysshih-sudov-i-problemy-ego-realizatsii>.

7. *Ланг П. П.* Аксиологические начала права // Российская юстиция. – 2018. – № 8. – С. 2–4.
8. *Руднева Ю. В., Гусарова Е. А.* Место новых судов в гражданском процессуальном праве Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – 12–4(39). – С. 139–141.
9. *Сиротюк А. З.* Историко-правовой анализ становления арбитражных судов в российской федерации // Новый ракурс. – 2017. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-pravovoy-analiz-stanovleniya-arbitrazhnyh-sudov-v-rossiyskoy-federatsii>.
10. *Швец В. М.* Перспективы совершенствования правового статуса судебной власти в Российской Федерации // Евразийская адвокатура. – 2017. – 3(28). – С. 87–89.